

УДК 32; 34

ГОСУДАРСТВО, ПРАВО, ВЛАСТЬ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. ФУКО

*Павкин**Леонид Матвеевич*

доцент кафедры теории и истории
права и государства,
Южно-Российский институт
управления – филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 70)
E-mail: pavkinmv@yandex.ru

Аннотация

В статье представлена оригинальная точка зрения М. Фуко на проблемы развития государства, права, власти в истории Европы. Фуко обратил особое внимание на возникновение дисциплинарного общества на рубеже XVIII – XIX вв. и его дальнейшую эволюцию.

Ключевые слова: *государство, право, власть, постмодернизм, паноптизм, дисциплинарное общество, знание-власть.*

Понятие постмодернизма не получило однозначного определения в научной литературе. Существует множество определений и теорий постмодернизма. Это связано с тем, что в рамках самого постмодернизма имеются самые разнообразные школы и направления. Общее, что их объединяет, – разочарование в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей.

Общества, построенные на этих ценностях, стремились преобразовать на разумных основах мир, природу, общество и человека. Автономный разум служил критерием, которым всё проверялось. Но оказалось, что разум сам нуждается в легитимации. Если «сон разума порождает чудовищ», то его абсолютизация привела к двум мировым войнам, ядерному оружию, экологическим катастрофам.

В поисках выхода из создавшегося положения многие авторы, которых причисляют к постмодернистам, обращаются к рассмотрению тех исторических процессов и явлений, которые либо оставались вне поля зрения науки, либо занимали в ней маргинальные позиции. Это позволило в ряде случаев по-новому взглянуть на многие важные проблемы общества, в том числе и на проблемы политики, государства и права.

К ключевым теоретикам, имена которых ассоциируются с постмодернизмом, относится и французский мыслитель Мишель Фуко, труды которого получили мировое признание. Творчество Фуко весьма многообразно, оригинально по терминологии и стилю изложения, и обращаться к нему можно под разными углами зрения. Одна из центральных идей Фуко, сформировавшаяся у него под сильным влиянием Ницше, заключается в том, что знание и власть так тесно связаны друг с другом, что их можно соединить в одном термине «знание-власть». К знанию, по убеждению Фуко, всегда стремились, чтобы использовать его для доминирования над окружающей средой, для демонстрации силы и власти. Таким образом, стремление к истине было лишь локальной вариацией стремления к власти. В работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» он писал: «Пожалуй, следует отбросить также целую традицию, внушающую нам, будто знание может существовать лишь там, где приостановлены отношения власти, и развиваться лишь вне предписаний, требований и интересов власти... Скорее, надо признать, что власть производит знание (и не просто потому, что поощряет его, ибо оно ей служит, или применяет его, поскольку оно полезно); что власть и знание непосредственно предполагают друг друга; что нет ни отношения власти без соответствующего образования области знания, ни

знания, которое не предполагает и вместе с тем не образует отношений власти...Словом, полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью-знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания» [1, с. 42 – 43].

Среди многочисленных проблем, к которым обращался Фуко, были и проблемы политики, права, власти, рассматривавшиеся, как правило, в контексте исследования субъекта познания. В курсе лекций «Истина и правовые установления», прочитанном в университете Рио-де-Жанейро, Фуко заявлял, что его цель состоит в том, чтобы показать способность социальных практик производить совершенно новые формы субъекта как такового и субъекта познания в частности. Наиболее важными среди социальных практик для этих целей автор посчитал правовые практики.

Рассмотрение этих практик Фуко начинает с их функционирования в древнегреческой культуре и обнаруживает существенную разницу в описании спора, судебного урегулирования у Гомера и Софокла. У Гомера право решать, кто прав, отдано борьбе, вызову одним воином другого на поединок. Здесь нет ни судей, ни приговора, ни следствия, ни истины.

Совсем по-другому обстоят дела в произведениях Софокла, служащих, по мнению Фуко, чем-то вроде театральной ритуализации истории права. В пьесе «Эдип-царь» при разрешении вопроса о том, кто убил царя Лая, появляется новое по сравнению с древней гомеровской процедурой действующее лицо – пастух. Этот человек, несмотря на низкий социальный статус, выступает очевидцем события, свидетельствует о нём, оказывается способным оспорить высокомерие тирана. Французский мыслитель делает вывод, что «драматизация истории древнегреческого права являет нам итог одного из великих завоеваний афинской демократии: историю процесса, в ходе которого народ овладел правом судить, правом говорить правду, правом направлять истину против собственных хозяев и судить тех, кто им правит. Это великое завоевание древнегреческой демократии...вызрело в длительном процессе, начавшемся и окончательно установившемся в Афинах в V в. до н.э. [2, с. 78]. Развилось познание нового типа, основанное на свидетельствах, проверке, процедуре расследования. Фуко не уделяет практически никакого внимания развитию права в

Древнем Риме, полагая, что оно основывалось на той форме раскрытия истины, которая сложилась в Древней Греции.

С крушением Римской империи эту форму отбросили вместе со многими другими великими достижениями античности с тем, чтобы вернуться к ним позже. На несколько веков, несмотря на некоторое влияние римского права, возобладало древнегерманское обычное право, схожее с архаическим греческим правом. Фуко обращает внимание на ряд моментов, которые особо не акцентируются в современной историко-правовой литературе. Описывая институт соприсяжничества, он обращает особое внимание на то, что соприсяжники вовсе не были свидетелями в том деле, которое рассматривалось. Они были просто друзьями, родственниками истца или ответчика, демонстрировали поддержку, на которую тот мог рассчитывать, влияние и значение группы, к которой человек принадлежал. Следовательно, получалось, что доказательством того или иного предполагаемого деяния выступало отнюдь не свидетельство. Практиковались дознания вербального типа. Подозреваемый в чём-либо должен был отвечать определёнными формулировками и мог проиграть дело только потому, что допустил грамматическую ошибку, перепутал слова. Достоверность того, что пытались доказать, не имела при этом никакого значения. В отдельных случаях совершалось древнее магически-религиозное дознание – клятва. Если обвиняемый не решался дать клятву или колебался, он проигрывал процесс. Фуко делает вывод, что в системе феодального судебного дознания речь шла вовсе не о раскрытии истины. Присутствие судьи необходимо только для того, чтобы констатировать правильность процедуры, но никак не свидетельствовать об истине.

Такая система судебных практик стала меняться в конце XII и на протяжении XIII вв. Возродилось появившееся в античности расследование, но со своими особенностями. Правосудие превратилось во внешнюю по отношению к тяжущимся сторонам силу, став судебной и политической властью. Возникает совершенно новое действующее лицо, не имевшее аналога в римском праве, – прокурор, выступающий как двойник жертвы или истца. Прежнее понятие «ущерба» заменяется понятием «правонарушения», под которым стали понимать не только ущерб, нанесённый одним индивидом другому, но и оскорбление суверена, закона, существующего государственного строя. Правонарушение представляется Фуко одним из великих изо-

бретений средневековой мысли. Государство стало стороной, требующей возмещения ущерба. Возник механизм уплаты штрафов, конфискации. Присвоив себе правосудие, запустив механизм конфискации, западные монархии увеличивали и расширяли свои владения. Такова, как считает Фуко, политическая подоплёка произошедших преобразований.

Французский мыслитель констатирует, что «в течение всей второй половины Средних веков мы видим преобразование древних практик и изобретение новых форм правосудия, новых форм судебных процедур и практик. Форм, основополагающих для истории Европы и истории всего мира в той мере, в какой Европа неумолимо наложила своё ярмо на всю поверхность земного шара. В процессе этой переработки права изобретается нечто, касающееся не столько содержания, сколько форм и условий возможности знания. В правовой системе той эпохи были изобретены способ познания и условия возможного знания, которые станут определяющими для всего западного мира» [2, с. 86]. Он отказывается от рассмотрения появления института расследования как продукта познания, плода самосовершенствования субъекта познания. Возникновение расследования может проявиться, как считал Фуко, только анализ действия политических сил и властных отношений. На основе судебных расследований начинает распространяться целая серия процедур расследования. Королевская власть поддерживалась, распространялась и приумножалась благодаря расследованиям о положении населения, количестве финансов и ресурсов. Затем появляются типы расследования на основе собранных свидетельств в географии, астрономии, медицине, ботанике, зоологии. Общий вывод Фуко таков: «Расследование – это форма знания, а отнюдь не его содержание. Это определённая форма знания, связанная с определённым типом власти и содержанием познания... Можно с определённой уверенностью сказать, что расследование – это политическая форма, форма управления, осуществления власти, которая при помощи судебных органов стала для западной культуры способом верификации истины, усвоения того, что будет считаться истинным, а также способом передачи истинного. Расследование есть форма знания-власти» [2, с. 100 – 101].

Современное общество, утверждает Фуко, заслуживает названия «дисциплинарного общества». Его становление относится к концу XVIII – началу XIX вв. и произошло благодаря реформе уголовной и судебной систем в разных странах Европы и мира.

Действительно, в этой сфере наблюдались большие перемены, о которых писал видный русский учёный-юрист М. П. Чубинский: «Время с первой четверти XVIII в. по первую половину XIX в. включительно отличается особым блеском в отношении уголовно-политических учений. Правда, в течение первой половины этого периода движение уголовно-политической мысли отличается несколько медленным темпом, но зато во вторую половину оно является бурным и стремительным» [3, с. 180]. В итоге «новые идеи всё же взяли верх. Результатом явилось почти повсеместное переустройство всей области уголовного правосудия на новых началах, занявшее собой большую половину XIX в. Не всё завещанное XVIII в. проникло в жизнь» [3, с. 333].

Фуко также отмечает, что реформированию уголовных систем предшествовала теоретическая переработка уголовного законодательства. Изменяется понятие «правонарушения», которое отныне не связывается с моральными и религиозными проступками. Оно связывается с законом, установленным политической властью и отчётливо сформулированным. Правонарушения не существует до установления закона. Уголовное наказание положено только за совершение деяний, которые определяются законом как уголовно наказуемые. Уже Томас Гоббс в середине XVII в. писал: «Преступление есть грех, заключающийся в совершении (делом и словом) того, что запрещено законом, или в неисполнении того, что он повелевает. Так что всякое преступление есть грех, но не всякий грех есть преступление» [4, с. 226].

Уголовно наказуемое формулируется как то, что вредит обществу. Тем самым негативно устанавливается то, что полезно для общества. Следовательно, появляется новое определение «преступника». Преступник – это тот, кто вредит обществу и нарушает его спокойствие, это враг общества. Возникает вопрос о том, как наказывать преступников. Исходя из нового понимания преступления уголовное законодательство вправе допустить только возмещение причинённого обществу ущерба и воспрепятствование повторному нанесению ущерба.

Различные теоретики выдвигали четыре вида возможных наказаний. Во-первых, это простое изгнание людей из общества, депортация. Во-вторых, это не изгнание из общества, а изоляция внутри общества. «Проступок индивида оглашается, его личность выставляется напоказ для публики, у общественности провоцируется реакция отвращения, презрения, осуждения» [2, с. 104]. Третье наказание

– это принудительный труд для компенсации причинённого обществу ущерба. В-четвёртых, предлагалось вспомнить древний принцип талиона. Убивают того, кто убил, конфискуют имущество у того, кто украл и т.п.

Однако практика быстро опровергла теорию по части применения наказаний. Как пишет Фуко, «депортация очень скоро исчезла; принудительные работы повсеместно стали чисто символическим наказанием, если иметь в виду функцию возмещения ущерба; механизмы скандала так и не удалось задействовать на практике; наказание «око за око» быстро исчезло, поскольку было охарактеризовано развитым обществом как «пережиток» [2, с. 105].

Главным видом наказания стало тюремное заключение, которое не было наказанием в европейской уголовной системе XVII и XVIII вв. Наказания состояли в сожжении, четвертовании, клеймении, высылке, оплате штрафа и т.п. Существовала внесудебная практика тюремного заключения за хулиганство, пьянство, колдовство и прочие проступки, признаваемые безнравственными и опасными. Фуко утверждает, что «идея заточения с целью исправления, задержания заключённого вплоть до момента, когда тот исправится, парадоксальная, странная идея, никак не обоснованная и не оправданная человеческими поступками, имеет в своей основе именно такую практику» [2, с. 119].

Отныне на место расследования ставятся наблюдение и допрос. Наблюдение формирует определённое знание о наблюдаемых, поскольку наблюдающий обладает властью. Эта форма знания-власти порождает такие науки как психиатрия, психология, социология. Система наказаний в XIX в. в большей степени начинает стремиться к контролю за поступками и поведением индивидов, чем к защите общества в целом. Развитие такого контроля ведёт уже не только к контролю за реальными действиями индивидов, но и за тем, что они могут совершить, что они способны совершить, что они склонны совершить. В конечном счёте, к концу XIX в., по мнению Фуко, понятие «опасности» в уголовном праве стало означать, «что индивид должен рассматриваться обществом в плане своих возможностей, а не в плане своих поступков; не в плане действительных правонарушений имеющего силу закона, но в плане поведенческих возможностей, которые приводят к правонарушениям» [2, с. 107].

Автор приходит к заключению, что фактически нарушается сформулированный Монтескье принцип разделения властей. Контроль над индивидами

не может осуществляться исключительно правосудием. Этим занимаются полиция, психологические, психиатрические, криминологические, медицинские, педагогические исправительные учреждения. Эта система учреждений будет сопровождать индивида на протяжении всей его жизни и будут выполнять функцию коррекции вероятных правонарушений. Общество вступило в эпоху того, что Фуко называет «социальной ортопедией». Это дисциплинарное общество, эпоха социального контроля.

Среди теоретиков и реформаторов уголовного права Фуко особо выделяет английского мыслителя И. Бентама. Он даже заявил, что для нашего общества Бентам важнее Канта и Гегеля потому, что «именно он составил программу, определил и очень точно описал формы власти обществ, в которых мы сейчас живём, именно он представил знаменитую чудесную модель нашего общества всеобщей ортопедии в миниатюре: пресловутый паноптикум» [2, с. 108]. Паноптикум (буквально: видеть всё) – это новаторский проект тюрьмы, представляющий собой куполообразное сооружение с наблюдательной площадкой в центре наверху. Тот, кто находится на этой площадке, может наблюдать за всеми камерами внизу, по окружности купола. Каждый заключённый знает, что в любой момент он доступен наблюдению. Примечательно, что по подобным проектам построено большинство тюрем в современном мире.

Паноптикум Фуко назвал утопическим представлением об обществе и типе власти, которое стало утопией, воплощённой в жизнь. Бентам мечтал создать сеть устройств, вездесущих и недремлющих, пронизывающих всё общество. Такое суждение Фуко кажется необоснованным. Скорее всего, идея постоянного надзора за заключённым ассоциировалась у Бентама с образом всевидящего христианского Бога [5, с. 281]. Но догадки Фуко вовсе не беспочвенны. Возникший тип власти может, по его мнению, называться «паноптизмом», а общество, в котором мы живём, – царством паноптизма. Паноптизм как тип власти над индивидами осуществляется в форме постоянного наблюдения за индивидами, в формах контроля, наказания и вознаграждения, а также в форме исправления, представляющей собой образование и преобразование индивидов согласно определённым нормам. Тюрьма выступает просто как концентрированная, образцовая форма всех остальных учреждений лишения свободы, возникших в XIX в., она изоморфна всем остальным учреждениям. В качестве этих остальных учрежде-

ний Фуко упоминает педагогические, медицинские, производственные учреждения, которые берут на себя контроль и ответственность за практически полное время жизнедеятельности индивидов. Завод привязывает людей к производственному аппарату, школа прикрепляет к аппарату передачи знаний, психиатрическая клиника привязывает людей к исправительному аппарату, аппарату стандартизации индивидов.

Более детальному анализу паноптизма посвящена одна из глав работы Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Автор усматривает цель паноптикона в том, чтобы надзор был постоянным, даже если и осуществляется с перерывами. Главное в том, чтобы наблюдаемый знал, что за ним следят. Власть автоматизируется и лишается индивидуальности. Паноптическая схема позволяет совершенствовать осуществление власти. Меньшее число представителей власти может воздействовать на большее число людей. Всевидящая власть может вмешаться в любой момент для предотвращения ошибок, проступков или преступлений. Фуко приводит слова Бентама о том, что паноптическая схема есть способ достижения власти «в прежде беспримерном количестве», «великий и новый инструмент правления...его огромное превосходство заключается в большой силе, какую он способен придать любому институту, к которому его сочтут целесообразным применить» [1, с. 302].

Фуко уделяет большое внимание дисциплине как универсальной технологии власти. Он пишет: «Паноптизм – общий принцип новой «политической анатомии», объектом и целью которой являются не отношения верховной власти, а отношения дисциплины» [1, с. 305]. На протяжении XVII – XVIII вв. дисциплина, существовавшая раньше в замкнутых институтах, расположенных на периферии общества, расплзлась по всему телу общества и образовала то, что автор и назвал дисциплинарным обществом. Не существует единого специализированного общественного института, который поддерживает дисциплину в обществе. «Дисциплина» не может отождествляться ни с институтом, ни с аппаратом; она – тип власти, модальность её отправления, содержащая целую совокупность инструментов, методов, уровней приложения и мишеней; она есть «физика» или «анатомия» власти, некая технология. И ответственность за её претворение могут брать на себя либо «специализированные» заведения (тюрьмы или исправительные дома в XIX веке), либо заведения, использующие её в

качестве основного инструмента для достижения конкретной цели (воспитательные дома, больницы), либо уже существующие инстанции, которые используют её как способ усиления или реорганизации своих внутренних механизмов власти...либо аппараты, возведшие дисциплину в принцип своего внутреннего функционирования (аппарат управления начиная с наполеоновской эпохи), либо, наконец, государственные аппараты, чьей главной, если не исключительной, функцией является утверждение власти дисциплины над всем обществом (полиция)» [1, с. 316]. Таким образом, дело не в том, что дисциплинарная модальность власти заменила собой все другие, а в том, что она пропитала собой эти другие, связывая их друг с другом, продолжая их. Самое главное в том, что действие власти дошло до мельчайших и отдалённых элементов общества, дисциплина обеспечила распространение отношений власти до уровня бесконечно малых величин.

Фуко ссылается на труды влиятельного немецкого профессора XIX в. Юлиуса, современника Гегеля. Юлиус, размышляя о паноптизме Бентама, сравнивает принципы древней и новой архитектуры. Принцип архитектуры древнегреческой цивилизации – делать доступным множеству людей наблюдение малого числа объектов. Принцип архитектуры Нового времени – обеспечить для малого числа людей, и даже для одного человека, мгновенное обозрение большого множества объектов. Чрезвычайно важной представляется мысль о том, что подобное изменение принципов связано с изменением типа общества. Древняя общинная жизнь сменилась в Новое время разделением общества на государство и отдельных индивидов. В этом суждении просматривается последовавшее затем в работе Ф.Тённиса чёткое разделение общности и общества (Gemeinschaft и Gesellschaft). Для сохранения единства общества государство должно представляться в виде определённого пространственного и социального расположения индивидов, где всё подчинено одному-единственному наблюдателю.

Фуко обнаруживает двойственность эпохи Просвещения, которая, открыв свободы, изобрела и дисциплины. Развитие и распространение дисциплинарных устройств французский мыслитель характеризует как оборотную, тёмную сторону создания режима представительной демократии, установившего ясную, кодифицированную и формально эгалитарную юридическую структуру. Ошибочно, по мнению Фуко, представление о том, что дисциплины не противоречат праву, они конкретизируют

его, доводя общие формы, установленные законом, до отдельных индивидов или же являются методами обучения, которые позволяют индивидам соответствовать общим требованиям. На самом деле, как он полагает, какой бы регулярной и институциональной ни была дисциплина, по своему механизму она является «контрправом». Дело в том, что «способ, каким она насаждается, механизмы, какие она приводит в действие, необратимое подчинение одних людей другим, «сверхвласть», которая всегда сосредоточивается на одной стороне, неравенство положения различных «партнёров» относительно общего правила – всё это отличает дисциплинарную связь от договорной связи и позволяет систематически исказить последнюю с того самого момента, когда её содержанием становится дисциплинарный механизм... Кроме того, если юридические системы квалифицируют субъектов права в соответствии с всеобщими нормами, то дисциплины характеризуют, классифицируют, специализируют, они распределяют по некоей шкале, ориентируются на некую норму, а если потребуется – дисквалифицируют и исключают... они приостанавливают право, но всегда лишь временно, никогда не отменяя его полностью» [1, с. 326 – 327]. Дисциплинарная власть стремится к тому, чтобы отвести каждому индивиду строго определённое место в дисциплинарном пространстве, а затем провести классификацию индивидов, дать каждому определённую оценку, присвоить ранг, определить рейтинг, в значительной степени лишив их яркой индивидуальности. Чтобы получить вышколенного работника, состыковать его с другими наподобие хорошо действующей машины, надо расписать его на характеристики, составить на него анкету. Происходит постоянное усиление роли норм во всех сферах человеческой жизнедеятельности за счёт законов, количество которых также возрастает, но всё же пока не удаётся охватить ими все аспекты человеческой жизни.

Необходимо отметить специфический характер концепции власти Фуко. Он ставил своей целью не ограничиваться анализом упорядоченных и узаконенных форм центральной власти, а распознать власть там, где она «достигает своих границ, своих последних очертаний, там, где она становится капиллярной» [6, с. 46]. В поисках этих границ Фуко открещивается от классических представлений о власти Макиавелли, Гоббса, выходит за рамки юридической суверенности, института государства. Он решительно отказывается от традиционного подхода к проблеме власти, строящегося на юридически-

институциональных моделях в пользу анализа конкретных методов проникновения власти в различные формы жизни индивидов. Власть не может находиться только в руках некоторых, она не может быть локализована. Власть анонимна и в то же время вездесуща. Индивид – это результат власти и в то же время её проводник. «Власть переносится с помощью индивида, которого она создала» [6, с. 49].

Фуко видит две стороны власти: не только репрессивную, но и продуктивную, которой он придавал в своих последних работах всё большее значение. Согласно Фуко нельзя сказать, что власть только подавляет, угнетает индивида. Она его просто производит, формирует его характер, делает способным придерживаться норм здравого смысла. Можно сказать, что автор так и не пришёл к окончательному решению проблемы власти, находился в творческом поиске. Тщетно искать в произведениях Фуко какую-либо чёткую дефиницию власти. Он искренне заявлял: «У меня нет какого-то обобщённого и годного на все случаи понимания власти. Кто-нибудь придёт после меня и наверняка это сделает. Но не я» [7, с. 283]. В одном из последних интервью он сказал: «Что касается меня, то когда я начал интересоваться проблемой власти, у меня не было уверенности ни в том, что писал о ней сколько-нибудь ясно, ни о том, что использовал должные слова. Теперь я представляю это гораздо отчётливее» [8, с. 268]. Но в целом из его творчества можно сделать вывод, что западное общество со времени буржуазных революций постепенно, шаг за шагом движется к тоталитаризму. Власть функционирует как постоянно действующий, нацеленный на максимальную эффективность механизм всеобъемлющего контроля.

Таким образом, Фуко обратил внимание на постоянно разрастающиеся латентные функции власти. Концепцию явных и латентных функций разработал в середине XX в. американский учёный Роберт Мертон [9, с. 379 – 447]. Явными функциями он называл те функции социальных процессов, которые носят официально заявленный и осознаваемый характер. Латентные функции выступают непредумышленным результатом деятельности тех или иных институтов или лиц.

Западные исследователи отметили некоторую односторонность концепции власти Фуко. Главное замечание заключается в том, что автор не исследовал применяющиеся дисциплинарные практики. Он представил, выражаясь языком М. Вебера, их идеальные типы. По словам английского юриста Дэви-

да Гарланда, Фуко не последовал, как это сделали бы социолог и историк, предписанию Макса Вебера проверить свою работу в рамках эмпирического анализа, исследуя «неупорядоченную сферу практик и отношений и те компромиссные, искажённые, частичные способы реализации этих элементов, которые свойственны реальному миру» [Цит. по: 10, с. 136]. Тем не менее автор считающейся на Западе классической работы о власти Стивен Льюкс указал на то, что «работы Фуко имели необычайно широкое влияние и вдохновили учёных во многих областях и дисциплинах заняться как раз таким анализом – то есть анализировать сферы практик, которые он выявил, прикладывая к ним его, так сказать, драматически преувеличенные идеальные типы и в контексте эмпирических исследований задавая именно таким вопросом: как и в какой степени управляемые становятся управляемыми?» [10, с. 143].

Какими бы спорными ни были те или иные суждения Фуко, творчество этого оригинального

мыслителя позволяет взглянуть на проблемы государства, права, власти под неожиданным углом зрения, глубже осознать их многомерность.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 2. М., 2005.
3. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. М., 2014.
4. Гоббс Т. Сочинения в двух томах. Том 2. М., 1991.
5. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2013.
6. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб., 2005.
7. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М., 2002.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 3. М., 2006.
9. Мертон Р. Явные и латентные функции. Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1994.
10. Льюкс С. Власть: Радикальный взгляд. М., 2010.

Pavkin Leonid Matveevich, Associate professor, the South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: pavkinmv@yandex.ru

STATE, LAW, POWER IN THE POSTMODERN CONCEPT OF M. FOUCAULT

Abstract

In the article is presented the original view of M. Foucault on the problems of the development of state, law, power in the history of Europe. Foucault paid the special attention to the origin of the disciplinary society at the turn of XVIII XIX centuries and its further evolution.

Keywords: *state, law, power, postmodernity, panopticism, disciplinary society, knowledge-power.*

References

1. *Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my.* М., 1999.
2. *Fuko M. Intellektualy i vlast'. Ch. 2.* М., 2005.
3. *Chubinskiy M. P. Ocherki ugolovnoy politiki.* М., 2014.
4. *Gobbs T. Sochineniya v dvuh tomah. Tom 2.* М., 1991.
5. *Diakov A. V. Mishel' Fuko i ego vremya.* SPb., 2013.
6. *Fuko M. Nuzhno zaschischat' obschestvo.* SPb., 2005.
7. *Fuko M. Intellektualy i vlast'. Ch. 1.* М., 2002.
8. *Fuko M. Intellektualy i vlast'. Ch. 3.* М., 2006.
9. *Merton R. Yavnye i latentnye funkcii. Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty.* М., 1994.
10. *Liuks S. Vlast': Radikal'niy vzglyad.* М., 2010.